

Занимаясь практикой рассуждения о чем бы то ни было, мы не можем элиминировать из метапозиции, т.е. из анализа этого рассуждения ни сущностные характеристики, определяющие то, о чем мы рассуждаем, ни наши собственные гносеологические характеристики агента рассуждения.

П.С.Каюров ЛОГИКА ВЫМЫСЛА

«Книга о вымышленных существах» Х.Л.Борхеса – книга о том, что существует, книга о реальности, находящейся в нашем мышлении, актуализировавшейся в его рамках. Это книга, определяющая область возможностей нашей фантазии, определяющая границы творчества. Вымысел – то, что можно трактовать как попытку создания чего-то нового, не существовавшего по сей день в нашем мироощущении. С другой стороны, всякий вымысел, всякое творчество базируется исключительно на возможностях наших средств восприятия и оценки реальности. Так или иначе, создавая нечто новое, человек неизбежно находится в рамках закономерностей, предопределенных средствами его познания. Моделирование нового не уходит от базы предшествующего опыта и может осуществляться только благодаря ему. Проблема вымысла, скорее всего, может трактоваться не как проблема создания объекта вне реальности, а как проблема возникновения новых элементов данной реальности.

Систему моделирования реальности, структурирования взаимодействия некоторых объектов можно рассматривать как языковой феномен. Можно говорить о том, что не язык появляется как отражение определенной реальности, а он является первичным, формирующим явлением. Язык является единственной реальностью, структурирующей человеческие взаимоотношения. Такую позицию определил постмодернизм, указавший на онтологическую значимость языка, его активность по отношению к разуму, на то, что разум, скорее, является орудием языка. Язык идентифицирует нас. Мы владеем языком, как способом связи с миром, язык строит наши взаимоотношения. Чтобы воспроизвести мир, необходимо обратиться к языку, как к универсальному посреднику между мной и миром. Я не могу постигать мир вне языка, так как все мои рациональные представления о мире базируются в языковых формах. Такую позицию Хинтиikka называет «универсальностью языка»¹. Отношения языка и мира, в рамках этой концепции, выражаются в значениях слов, т.е. в семантике, которая, в свою очередь, в природе своей содержит понятия, принадлежащие языку. Таким образом, язык как бы опосредует свое отношение с миром, исключая возможность внеязыкового анализа реальности. В этой связи Хинтиikka пишет: «Универсалист не может говорить об истине как соответствии». Кроме того, Хинтиikka усматривает в универсализме мотивы теории, не рассматривающей истины, как соответствие между предложением и фактами.

Так создается атмосфера власти языка, и, поскольку все рассуждения о нем и о процессах, в нем происходящих, находятся в его рамках, то становится актуальным разбор, доскональное изучение инструментов языка, аспектов смысла.

¹ Хинтиikka Я. Проблема истины в современной философии // Вопр. философии. — 1996. — №9.

Эту традицию принято начинать с Хайдеггера, Хинтиikka говорит о нем, как о первом, попытавшемся «высказать невысказываемое», за счет своего специфического «жаргона» перейти на другую фазу размышления об языке вне его инструментов. Поиск невысказываемого, по мнению Хинтиikka, исходит именно из того, что Хайдеггер стоит на позиции универсалистской концепции языка. К этой же традиции относится Деррида.

Интерес к языку современности явно обострен. К этой теме обращаются Ж. Делез, Р. Барт, М. Фуко и др. Такая тенденция в философии, вероятно, является следствием новой парадигмы нового времени. Фуко пишет: «Язык стал объектом познания наряду с другими объектами – живыми существами, с богатством и стоимостью, с историей событий и людей»². Однако очевидно, что язык существует с древнейших времен, с тех пор смена парадигм происходила по меньшей мере многократно. Мышление предыдущих эпох было мышлением иного рода, чем в современности. Истоки предшествующих эпох, как констатирует, и психоанализ, и структурализм, отражается в современности. В этой связи мы в некоторой степени существуем в рамках мифологий, первобытных и новых. Перелом заключается в том, что уничтожение метанарраций, как это программируется постмодернизмом, освобождает нас от власти мифов, как и от власти языка. В какой форме растворен миф в языке? Как и что находится в подчинении? Каким образом вымышленное существо осуществляется и обретает свое место в определенного рода реальности? В данной работе будут рассмотрены лишь некоторые нюансы, связанные со взаимоотношениями вымысла и языка. В качестве базовой работы, иллюстрирующей природу мифологических существ, выступает «Книга о вымышленных существах» Х.Л. Борхеса.

I

Прежде всего, необходимо рассмотреть тот момент, насколько плодотворным может быть изобретение новых существ, разработка новой реальности. В рамках определенных философских традиций может быть тезис о невозможности всякой новизны. В «Бестиарии» Х.Л. Борхес пишет о зеркальных существах, которые, находясь в рабстве, повторяют все наши движения, имитируя, подражая нам. Но в один момент они пробудятся и начнут сражаться с нами. Образ зеркальных существ метафоричен. Мы, в поисках себя, видим в зеркалах других существ, мы привыкаем в них узнавать себя. Зеркало представляет нам подмену, мы создали средство обманывать себя. Появление своей воли и свободы у зазеркальных существ приведет к тому, что они поработят нас. Копия окажется оригиналом, то, что обозначает нас, идентифицирует, позволяет связать себя с миром, единственный наш шанс на самоидентификацию, подчинит нас себе. Ужас несет сознание того, что в один момент: «В глубине зеркал мы заметим тонкую полоску, и цвет этой полоски будет не похож ни на какой иной цвет»³. Быть может, язык выступает именно тем зеркалом, которое создает иллюзию подчиненности нам всех явлений внешнего мира, ограничивая и программируя нас своими внутренними конструкциями.

² Фуко М. Слова и вещи. — СПб., 1994. — С. 326

³ Борхес Х.Л. Письмена Бога. — М., 1994. — С. 320.

Любое из вымышленных существ неизбежно имеет определения и характеристики, соответствующие актуальной действительности. Здесь не возникает ни одного неизвестного прежде предиката. Описание предполагает контакт с действительностью, действительностью языковой. Появление объектов, моделируемых языком, четко ограничено закономерностями языка, этим определяется мозаичность, которая предполагает своего рода предопределенность, любой новый персонаж будет назван, определен, предмечен.

Создание реальности, исключительно внешней языковой, отрицает любую предикацию. Подобная ситуация возникает в теологии. Отрицательная теология – это прежде всего попытка не опредмечивания, не ограничения существа трансцендентального, возникают попытки отказа от наименования Бога, избегание какого-либо утвердительного о нем сообщения. Таким образом, скорее всего, контакт с тем, что полностью не находится в нашей языковой реальности предполагает молчание. Потому как введение отрицательных определений предполагает своего рода утверждение, утверждение противоположных предикатов. Объект же молчания находится вне наличествования или отсутствия того или иного предиката, находясь в другой сфере утвердительности, где отсутствует не только данный предикат, но и вся совокупность предикатов. Вся совокупность имен и смыслов данного языка. Поиск же определений – это порабощение зеркальных существ, это преодоление грани вне-понимания, попытка протянуться к чему-то внешнему, она происходит путем завоевания этой внешней реальности, завоевания – опредмечивания. Язык в этом случае агрессивен, он обладает универсальным механизмом означения. Серия обозначающих предложений предвосхищающе смещена (о чем пишет Делез), таким образом, потенции языка к о-определению безграничны, любой контакт с ним предполагает задание пределов.

II

Первая операция, которая предельвается с некоторыми предполагаемыми новыми смыслами – это задание их имен. Здесь начинается процесс опредмечивания, именно с этого момента новое явление входит в систему языковых отношений и проигрывается в рамках его структуры парадоксов.

Мифология, представляя нам новое существо, называет его имя, которое обладает бесконечной областью его расшифровки. Когда мы пишем: «Сфинкс – это лежащий лев с головой человека»⁴, – мы не только задаем обозначающую серию для определенного явления, здесь начинается своего рода языковая игра. Имеется в виду парадокс неопределенного регресса, который трактуется Делезом таким образом: каждое обозначающее имя обладает смыслом, который должен быть обозначен другим именем – $p_1 - p_2 - p_3$. Так появляется необходимость обозначать какими-то именами смысл того, что есть человек, что есть лев и т.д. Данный парадокс описывается Л.Кэрроллом, который оформляет его как диалог Ахиллеса и черепахи. Борхес находит связь этого парадокса с парадоксом Зенона, упоминая в этой связи Секста Эмпирика. Борхес пишет: «Секст Эмпирик утверждает, что определения бессмысленны, поскольку вначале следовало бы объяснить понятия, входящие в определение, следовательно, определить определение»⁵.

⁴ Там же. — С. 331.

⁵ Там же. — С. 333.

Тогда каждое определение включает в себя бесконечную отсылку, тогда вероятно единственное определение, которое имело бы смысл, предполагало бы в себе наличие всех существующих в современности имен. Складывается противоречивая ситуация – стремление к определению, к заданию предела, раскрывает в себе потенцию к открытию бесконечной области имен. По большому счету подобное явление происходит регулярно. Имя обладает свойством некоторого кода, который, сочетаясь в нашей памяти с определенным смыслом, обладает лишь ближней, функциональной сферой смысла, все последующие шаги его расшифровки просто не указываются. Однако из соображения той же функциональности эти шаги учитываются. Появление нового термина, нового имени предполагает открытие и расшифровку его лишь до ближайшего, доступного нашей памяти имени, которое далее не раскрывается. В этой связи стоит учесть, что ситуация эта зависит от того, кто соприкасается с новой терминологией. Так, в определенных кругах определенная степень расшифровки оказывается достаточной, тогда как в другой группе эта степень раскрытия – лишь череда новых кодов, и для понимания предстоит дальнейшая расшифровка (имеется в виду профессиональная, научная терминология). Но, несмотря на это, раскрытие последующих имен уже проделано, оно уже задано. Каждому потребителю этих имен потребуется определенное количество шагов исходя из его особенностей. Изучение нового языка заключается в прохождении всех ступеней смыслов, расшифровке всех имен, тогда говорят, что человек «думает на иностранном языке, владеет им в совершенстве». Такая ситуация как бы в обратном ее разворачивании обыгрывается в романе Г.Маркеса «Сто лет одиночества», где персонажи начинают забывать название и функции вещей и навешивают таблички, число которых растет с геометрической прогрессией. Происходит обратное разворачивание методики определения – отсылки к смыслу другого имени.

Оказываясь в языке, новые явления, таким образом, потребляются как определенная стадия раскрытия бесконечного определения, одно из ступеней кодирования.

Отсюда видно, что употребление таких терминов, как Бурак и Голем, не позволяет нам оказаться вне сферы смыслов языка, новое имя все дальше и дальше уходит от своей сущности в сущность расшифровки. Достаточно совсем немного шагов, чтобы мы оказались на более адекватной стадии обозначения, тогда Бурак – это небесное животное размером крупнее осла и меньше мула, который изображают с «человеческим лицом, ослиными ушами, туловищем лошади и хвостом павлина»⁶. Такое составное существо также является своего рода лингвистическим блефом. Подобного рода определение – выход из неопределенности, таким же образом возможен квадратный круг как некоторая лингвистическая реальность.

Система кодов подкрепляется с функциональной точки зрения синтаксисом, который является своего рода инструментом осмысления. «Бармаглот» Кэрролла является примером этого. Обыгрывается некоторая ситуация, где присутствуют неизвестные объекты, чьи имена называются впервые, тем не менее, синтаксическая связь позволяет нам безошибочно заявить, что происходит некоторый

⁶ Делез Ж. Логика смысла. — М., 1995. — С. 69.

процесс, смысл которого предельно ясен. Таким образом, оказываясь в поле нашего потребления, чужеродная прежде вещь означаемой серии опредмечивается также и набрасыванием синтаксических канонов.

III

Делез приводит в качестве цитаты фразу Леви-Стросса: «Человек с тех пор, как появился в этом мире, получил в свое распоряжение всю полноту означающего, которым он отгорожен от означаемого, причем о последнем можно что-либо узнать только в этом качестве. Между означаемым и означающим всегда остается несоответствие»⁷. Парадокс Робинзона открывает продолжение предыдущего повествования: создание аналога общественной жизни, подчинение сразу и всем ее закономерностям на необитаемом острове иллюстрирует возможность единственного вида контакта с реальностью – опосредованного. Это, по мнению Леви-Стросса, обуславливается опять же зазором между двумя сериями. Интересно в этой связи точка зрения Делеза, что путь для любого искусства, поэзии, мифологических и эстетических изобретений отрывает «плавающее и означающее», которое «порабощает любую конечную мысль»⁸. Выдумка, судя по всему, базируется именно на этой ситуации, ситуации утопленного означаемого, которое хотя и задается, но при этом не познается, не реализуется. Ситуация дефицита в этом случае состоит в том, что открываются новые перспективы отсылки к прежним именам, то есть расширяется степень кодификации. При рассмотрении истоков мифологического изобретения в древности возможна довольно банальная их трактовка: всякая неизвестность связана с враждебностью, при этом данная враждебность является своего рода необходимостью, потому с необходимостью человеческое сознание создает ситуацию неизвестности с единственной целью ощутить свою силу, подчинив эту неизвестность, актуализировав ее в рамках обозначаемого, разрушив тем самым представление о чем-либо внешнем, враждебном. Создается иллюзия «зеркальных существ», в которых мы привыкли видеть себя. Произнесение имени, кода внешнего существа – это погружение его во взаимосвязь смыслов наших имен, это подчинение его себе.

IV

Так называемые «Составные существа», которые присутствуют в мифологии, чудовища, обладающие частями различных реальных существ, могут служить примером универсальности означающего механизма языка. В основе многих из них лежит идея невозможности сочетания различных свойств, в этой связи они создают действительно своеобразный класс животных, независимых от животных реальных, но полностью обозначенных в рамках прежних языковых средств.

Новый термин определенной совокупностью свойств на первый взгляд кажется подобным персонажам «Бармаглота», которые называются словами-бумажниками. Такими словами Делез называет зелюков, мюмзиков и т.д. Скрывая в себе дизъюнкцию, эти имена несут и дизъюнкцию смыслов. Делез цитирует М.Бота-

⁷ Там же. — С. 72.

⁸ Там же. — С. 65.

ра: «Каждое из этих слов может действовать как переключатель. Мы можем двигаться от одного слова к другому множеством путей. Отсюда — идея книги, повествующей не одну историю, а целый океан историй»⁹. Вариант, описанный Кэрроллом, представляет совокупность двух смыслов, равнозначных и разнонаправленных. Такие слова являются иллюстрацией вариативности развития ситуации. Параллельно определение такого слова предполагает и движение по линии отсылки к смыслу одного определения и по линии другого определения. Дизъюнкция смыслов здесь будет предполагать также наличие третьего — непосредственной совокупности смыслов как самостоятельного направления. Это будет направлением реального синтеза двух пересекающихся смыслов, это и будет собственно природой данного явления. Делез пишет о слове злопасный: «Итак, необходимая дизъюнкция — не между злым и опасным, ибо каждый из них может быть тем и другим сразу. Скорее, дизъюнкция присутствует между злой-и-опасный, с одной стороны, и опасный-и-злой, с другой.»¹⁰. Здесь можно усмотреть ситуацию пересечения двух альтернатив, в таком явлении пересекаются уже как бы не два термина, а две альтернативы — два выбора раскрытия этих терминов. Слова-бумажники в этом случае иллюстрируют тот момент, когда слияние двух возможных вариантов развития явления порождает собой новое ветвление смыслов, которое должно быть возвращено к «центру дизъюнкции», к тому, что удерживает связь, пересечение, то есть к общему смыслу. Можно говорить о дизъюнктивной связи, как о том, что предполагает некоторую разветвляющуюся структуру. Пересечение двух понятий оставляет две независимых сферы и некоторый центр — единство. Потому трактовка этой связи идет в рамках одного смысла, в рамках другого смысла, но является привязанной именно к самому центру — средоточию первого и второго направления. В рамках парадокса бесконечного регресса слова-бумажники предполагают две линии отсылки к смыслам других слов. «Дизъюнктивный синтез», по мнению Делеза, дает подлинное определение слову-бумажнику.

«Составные существа» в «Бестиарии» представляются в ином свете хотя бы потому, что их определения не представляют разветвленной структуры. В этом контексте мы не можем рассматривать их как средоточие двух равноправных смыслов, потому как их смысл, скорее всего, не предполагает перспективу разветвления. Номинально все части этого явления принадлежат ему, но нет того растворения одного свойства в другом. Можно сделать предположение, что созданием такого существа предполагается некоторая смесь качеств, которым метафорически приписываются некоторые свойства. Тут, подобно тому, как это делается у Бекона, соберутся все символы какого-то свойства в одном существе, тогда это существо будет олицетворять апогей данного свойства. Таким образом, создается некоторая совокупность несогласованных свойств, которые не имеют некоторого координирующего смысла, обуславливающего действительно разветвляющую структуру. Кентавры, минотавры, русалки и прочие не представляют собой дизъюнктивного синтеза. Кентавр не является ни лошадью, ни человеком. Обычно в связи с отсутствием дизъюнкции срабатывает механизм, о котором

⁹ Там же. — С. 67.

¹⁰ Фуко М. Указ. соч. — С. 182.

пишет Делез, – склоняясь в одну сторону, люди говорят, что кентавр – человек с телом лошади, в другой раз, наоборот, – лошадь с телом человека.

В действительности, когда к человеческому лицу прирастают ослиные уши, это не является формированием дизъюнктивной связи. Создается некоторое новое существо, притом посредством только старой терминологии. Мифическое существо такого типа, таким образом, не пересекается ни с одним из реальных животных. Недопустимо определение такого типа: «Все лошади делятся на: а) лошадей с человеческим торсом...». В этом заключается мифологичность такого рода зоологии. Фуко пишет: «Опасные смешения предотвращены, гербы и басни нашли свое специфическое место»¹¹. Определение нового существа посредством перечисления его составных частей действительно отделяет его от множества существ. Гиппогриф, Мандрагора, Минотавр в таком случае могут быть олицетворением совокупности свойств, не являясь ни одним из их (свойств) изначальных носителей. Появление этих существ почти всегда объясняется любовной связью двух существ разного рода. Невозможность такой связи в природе легко осуществляется в языке, появляется совокупность частей, а не совокупность существ. Они становятся симуляцией невозможного синтеза, но не синтеза на самом деле. Составные существа, не имея ни одного нового качества, не принадлежат ни к одной из существующих ранее классификаций. Во множестве всех животных подмножество составных существ действительно занимает не пересекающуюся с другими подмножествами позицию.

С.В.Франц

РОЛЬ МЕТАФОРЫ В ПОЗНАНИИ

Филологи придерживаются мнения, что метафора, сравнение – родом из художественного творчества, художественного отражения и выражения действительности, художественно-образного мышления. Например, академик Д.С.Лихачев в книге «Поэтика» говорит, что, основываясь «на реально наблюдаемом, на живом и непосредственном восприятии мира», метафора пытается это видимое осмыслить невидимым. А поскольку «весь мир полон символов, и каждое явление имеет двойной смысл», то метафора – это попытка расшифровки «тайного, символического значения явлений природы через создание своего особого кода», а через него – выход за границы реальной действительности (абстрагирование от нее) к иному, иной, еще неизвестной реальности. Тем самым метафора оценивается как инструмент познания, который демонстрирует новые возможности образного, ассоциативного мышления, продуцирует новое знание о мире. Метафора – это иной взгляд на вещи, непривычный для восприятия ракурс, обновление смысла и, таким образом, более глубокое постижение реальности (или нереальности). Метафора процессуальна и чаще всего сопровождает поиск истины, она всегда становится знанием, но никогда не есть нечто ставшее.

К метафоре нельзя подходить с мерками истинности/ложности, а само понятие истины применительно к метафоре неуместно, поскольку ее предназначение в другом. Метафора не указывает на Абсолютность чего-то, не подтверждает правильность, она выявляет существующие несоответствия, противоречия и под-

© С.В.Франц, 1998